

© 2017 г.

О.В. МАРТЫШИН

КОНСЕРВАТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

Мартышин Орест Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия) (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

Martyshin Orest V. — Doctor of Law, Professor, professor of department of theory of state and law of Moscow state law University named O.E. Kutafin (MSAL) (Moscow, Russia) (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

Аннотация: консерватизм в своих традиционных и современных формах представлен как идеология, враждебная принципам свободы, равенства, демократии, социальной справедливости, пропагандирующая национализм, клерикализм и выражающая интересы привилегированного меньшинства.

Abstract: conservatism in its traditional and modern forms is presented as ideology inimical to freedom, equality, democracy social justice, propagandizing nationalism, clericalism and expressing interests of privileged minority.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, клерикализм, равенство, демократия.

Key words: conservatism, nationalism, clericalism, equality, democracy.

Одна из особенностей второго десятилетия XXI в., прослеживаемая на глобальном уровне, — активизация консервативных течений. В зарубежных странах, где издавна существуют консервативные партии, эта активизация проявляется прежде всего в так называемых несистемных организациях. Формы их многообразны как на Западе, так и на Востоке — от многочисленных проявлений религиозного фундаментализма (не только исламского, хотя именно он привлекает к себе особое внимание благодаря деятельности “Исламского государства”, “Аль-Каиды” и террористическим актам, становящимся повседневностью во многих районах мира) до новых политических объединений, бросающих вызов традиционным участникам политической жизни. Хотя на состоявшихся недавно выборах в Австрии, Нидерландах, Франции они не достигли поставленных целей, их влияние сохраняется. О международном характере этого явления свидетельствуют и разговоры о консервативном интернационале.

Существует несистемный консерватизм и в нашей стране. В ряде случаев он оппозиционен к власти, и тогда против него применяются сдерживающие и карательные меры. Но главный двигатель консерватизма в современной России — системный. Это — правящая партия, избравшая консерватизм в качестве своей идеологии.

“Единая Россия” не дала пока тщательно и подробного изложения и обоснования своей

идейной позиции, не объяснила, что такое консерватизм, в чем его достоинства, что побудило обратиться именно к нему в поисках партийной идеологии. В качестве самого общего и распространенного выражения консервативной платформы предлагается защита “традиционных ценностей” под девизом “сохраним и преумножим”.

Попытаемся выяснить сущность консерватизма, его родовые признаки, обратившись к становлению и эволюции этого явления. Краткий экскурс в область политической и правовой мысли имеет не только академический интерес. Он существен для оценки одной из явных тенденций современной общественной жизни.

* * *

Все древние и средневековые общества были консервативны. Это нашло выражение, например, в легенде о четырех веках: золотом, серебряном, медном и железном, характерной как для Востока, так и для Запада. И в Древней Индии, и в Древнем Китае, как и в греко-римской цивилизации, совершенство, справедливость, благополучие ассоциировались с прошлым, с “золотым веком”. Мудрость состояла в том, чтобы следовать “вечной дхарме”, если воспользоваться терминологией индийских религий, предохранять ее от порчи, сохранять старые устои. “Верю в древность и люблю ее”, — говорил Конфуций. О возврате “золотого века” мечтал Платон. Давность, традиция

наряду с божественной волей служили неоспоримым доказательством разумности существующих порядков. Во всем следовать старине и пошлине — такова была житейская и политическая философия средневековой Руси, которой бросил вызов Петр I.

С монополией консерватизма на общественное сознание было покончено в Европе в эпоху Возрождения и Реформации. Традиция как неоспоримая нравственная ценность, пронизывающая все стороны жизни, вытеснялась прогрессом. В эпоху буржуазных революций перемены охватили не только сферу сознания, но и общественную жизнь, в том числе учреждения и законы.

Современный консерватизм возник в Европе в конце XVIII в. как реакция на Великую Французскую революцию. Его духовным отцом называют иногда Э. Берка, британского философа, политического деятеля и публициста, автора “Размышлений о французской революции” (1790). Наряду с Э. Берком к родоначальникам современного консерватизма следует отнести представителей исторической школы права в Германии, Ж. де Местра и Л. де Бональда во Франции. В России яркими выразителями идей консерватизма той поры стали Екатерина II, Н.М. Карамзин.

Консерватизм — явление широкого диапазона. Он развивается и меняет не только формы, но и содержание. Наряду со временем, т.е. эпохой, на него всегда оказывали мощное влияние национально-исторические особенности.

В первой половине XIX в. европейский консерватизм носил аристократический и в какой-то степени антикапиталистический характер. Консерваторы осуждали новые формы социальной несправедливости, возникшие в ходе индустриализации, систему экономического либерализма, отделившую, по их мнению, собственность от обязанностей, породившую дикие формы эксплуатации и новую олигархию. Антикапиталистические лозунги, адресованные трудящимся массам, служили мощным пропагандистским средством в продолжавшейся борьбе за власть с новым правящим классом.

К концу века изменившаяся социально-экономическая ситуация привела к существенным сдвигам в платформе консерваторов. Утратив надежду вернуть себе монополию на власть, реагируя на появление на политической арене новой грозной силы в лице рабочего и социалистического движения, консервативная аристократия пошла на сближение с капиталом и пересмотрела отношение к экономическому либерализму. Этому способствовали и перемены в политике либералов.

С последней четверти XIX в. потребности организации производства, давление профсоюзов побуждали их постепенно отходить от принципов *laissez-faire*. Вмешательство государства в социально-экономическую жизнь усиливалось. Возникло течение неолиберализма, допускающее государственное регулирование. Некоторые либералы сближались с социалистическим движением. Впрочем, в то время любое ограничение свободы предпринимательства ассоциировалось с социализмом. В этих условиях консерваторы выступили защитниками частной собственности во всех ее формах (земельной, банковской, индустриальной) от социализма, принцип экономического либерализма становится их знаменем. Происходило сближение консерваторов с той частью либералов, которая сохранила нетерпимость к государственному регулированию. Начал формироваться новый консерватизм, последовательно буржуазный и анти-социалистический. Его смысловой стержень — свобода частной собственности, недопустимость покушений на нее со стороны социального государства. Новый консерватизм окончательно сложился к середине XX в. Его классическими образцами служат наследие австрийского экономиста и политолога Ф. Хайека и “либертарианство” (“либертарианство”) — течение, получившее международное признание. О его содержании дает представление переведенная на русский язык книга Д. Боуза, в которой говорится, что капитализм свободной конкуренции является самой прогрессивной и динамичной системой в мире, тогда как государства всеобщего благоденствия в развитых странах слабеют и могут обанкротиться¹.

В дореволюционной России незавершенность капиталистических преобразований приводила к длительному сохранению аристократического, полуфеодального характера консерватизма. Возникновение нового буржуазного консерватизма, наметившееся в Западной Европе в конце XIX в., прослеживается у нас с трудом и не стало заметным явлением общественной жизни. Но все же оно наметилось, причем в то же время, которое было поворотным в развитии консерватизма на Западе. Б.Н. Чичерин, чье научное творчество и политическая позиция представляют собой своеобразную пограничную зону между либерализмом и консерватизмом, в монографии “Собственность и государство”, вышедшей в 1882–1883 гг., писал, что государство “по существу своему не призвано быть всеобщим опекуном и благодетелем”, что

¹ См.: Боуз Д. Либертарианство. Челябинск, 2004. С. 29.

“не его дело доставлять людям работу, наделять их собственностью”².

“Вторжение государства в область собственности и стеснение права хозяина распоряжаться своим имуществом, — полагал он, — всегда должно рассматриваться как зло, которое по возможности должно быть устранено”³.

Б.Н. Чичерин исходил из того, что разрешить рабочий вопрос государство не в силах. “Общим правилом должно быть, что государство в частные сделки не вмешивается, — рассуждал он, — это область гражданских, а не государственных отношений. Частная деятельность определяется частными соглашениями”. Руководствуясь этими соображениями, Б.Н. Чичерин осудил ограничение работы на фабриках взрослых мужчин во Франции “под влиянием социалистических требований” 12-ю час. в 1848 г. и в Швейцарии в дальнейшем 11-ю час. В пример этим странам ставилось “английское законодательство, которое относительно работы детей и женщин шло впереди всех, но благоразумно воздержалось от установления каких бы то ни было ограничений для работы взрослых мужчин”⁴.

При советской власти консерватизм в рассмотренном выше смысле был невозможен. Консерваторами называли тогда противников экономических и политических преобразований “реального социализма”. Распад советской системы привел к возрождению двух типов консерватизма — традиционного, аристократического, и нового — последовательно буржуазного, антисоциалистического.

Легализация капиталистических отношений не могла не привести к появлению современного “антисоциалистического” консерватизма в духе Ф. Хайека или либертаризма. В политике он представлен правыми партиями и движениями, защитниками экономического либерализма. В юридической литературе этот вид консерватизма находит выражение в таких тезисах, как “минимальное государство”, исключительно формальный характер свободы, равенства и справедливости, в утверждениях, что социальные функции государства ведут к ограничению свободы личности, создают привилегии для тех, кто ими пользуется, что социальное государство вступает в противоречие с правовым государством и т.п.⁵

В первое постсоветское десятилетие казалось, что в идеологическом плане в стране безраздельно господствует либерализм. Либертаризм, т.е. экономический либерализм, вплелся в эту общую картину, так как и он предусматривал защиту институтов политической демократии. Но параллельно возрождался и традиционный русский феодально-монархический консерватизм, противостоящий либеральному западничеству. Одно из его воплощений — так называемая православная теория права (так называемая, потому что она не соответствует официальным документам РПЦ). Идеалы правовой республиканской государственности и свободы личности объявляются “духовно выхолащенными и в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные ценности исключительно Европы”⁶. Вместо “западных ценностей” предлагается “духовный синтез права, правды (традиционной нравственности русского народа) и Православия (традиционной религии русского народа)”⁷. Православная монархия рассматривается как лучшая и единственно возможная в России форма правления⁸. Предлагается предоставить РПЦ статус господствующей религии.

В первое постсоветское десятилетие традиционный консерватизм казался периферийным явлением. Поворот в идеологии правящей партии к консерватизму меняет ситуацию.

В идеологии правящей в Российской Федерации партии сегодня сочетаются оба вида консерватизма (и модернистский, “антисоциалистический”, и традиционный, из которого исчезли антикапиталистические элементы). О модернистском аспекте свидетельствует курс на развитие капитализма, внедрение частной собственности. При этом от эксцессов либертаризма правящая партия отказывается. Ей явно не чужд государственный патернализм. Если в экономике на пропагандистском уровне доминирует модернизм, в политической сфере активизируется ориентация на традиционные ценности. Сочетание парадоксальное, но оно не ново.

Нечто подобное отмечал в дореволюционной России выдающийся русский юрист Н.Н. Алексеев. Западничество ассоциируется в нашем сознании с либерализмом или революционностью. Н.Н. Алексеев ввел понятие “реакционное

² Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 616.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 616, 617.

⁵ Подробнее см.: Идея социального государства и ее противники // Гос. и право. 2011. № 12. С. 12–15.

⁶ Васильев А.А. История российской консервативной политической мысли. Барнаул, 2011. С. 252.

⁷ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 22.

⁸ См.: Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. СПб., 1999. С. 191.

западничество”, характерное для правящих кругов царской России. Имелся в виду образ жизни, привычки, связи, интересы, использование технических и технологических достижений западной цивилизации в управлении. “Реакционное западничество было у нас не теорией, а государственной практикой”, — писал Н.Н. Алексеев и прибавлял: “чтобы иметь идеологию, Российская империя принуждена была довольно искусственно покрыть себя лозунгами в общем чуждого ей славянофильства”⁹.

* * *

При большом разнообразии исторических и национальных форм консерватизма все это течение в целом объединяет некоторая принципиальная общность.

Попробуем выявить родовые признаки консерватизма, имея в виду, что они проявляются по-разному.

Не следует думать, что консерватизм направлен только против радикальных методов осуществления преобразований, против слома старого порядка. Вместе с насилием он отвергает все цели, идеалы и ценности революции, в конце XVIII — начале XIX в. — французской и всех последующих.

Первый родовой признак консерватизма — отрицание принципов свободы, равенства и демократии. Знаменитый поэт и один из ведущих представителей британского консерватизма начала XIX в. С.Т. Кольридж выступал за возрождение аристократических принципов. Править, по его мнению, должно меньшинство, способное отстаивать интересы всего общества, роль пастырей народа отводится духовенству и земельным собственникам¹⁰. Крупнейший лидер консервативной партии в XIX в. Б. Дизраэли утверждал, что обществу нужна не эгалитарная демократия, а союз короны, лордов и народа, цементируемый (духовная скрепа?) церковью¹¹. Другой знаменитый представитель британского консерватизма XIX в. Т. Карлейль считал, что природа создает людей неравными. “Человек необходимо должен повиноваться высшим.., — писал он. — Он повинется тем, кого почитает лучшими, чем он сам, более щедрыми, более мужественными; и он всегда будет им повиноваться; и даже будет всегда готов и счастлив делать это”¹².

В русской политической мысли осуждение равенства получило яркое выражение у К.Н. Леонтьева, последовательного и откровенного идеолога консерватизма второй половины XIX в. “Истинное христианство, — рассуждал он, — признает одно только равенство—равенство всех перед судом Божиим, нужен для России особый высший класс людей, нужны привилегии, необходимы и особые права на власть”¹³. Вместе с равенством отвергается и свобода: «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом — “богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский, он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность... Он должен быть удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия»¹⁴.

Консерваторы считают демократию не только принципиально ошибочной, потому что она игнорирует естественное неравенство людей, но и неосуществимой и ведущей к пагубным последствиям. Б. Дизраэли приписывал демократии ужасы капитализма эпохи свободной конкуренции, раскол общества на богатых и бедных. Историк Г. Мэйн в книге “Народное правление” (1885) наряду с традиционными аргументами против демократии (масса не понимает, что хорошо, а что плохо) обращал внимание на то, что на практике демократия сводится к правлению партий, контролируемых их вождями, и потому неизбежно вырождается в диктатуру¹⁵.

Один из столпов отечественного консерватизма К.П. Победоносцев — наставник Александра III и Николая II, занимавший 25 лет (с 1880 г.) должность обер-прокурора Святейшего Синода, называл демократию “великой ложью нашего времени”. “Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной”¹⁶, — писал он.

Такая критика демократии ведет к одобрению монархического правления, авторитаризма, тоталитаризма и иных форм личной власти.

⁹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 127.

¹⁰ См.: История политических и правовых учений XIX в. М., 1993. С. 49.

¹¹ См.: там же. С. 51.

¹² Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1906. С. 343, 344.

¹³ Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 264, 305.

¹⁴ Там же. С. 290, 291.

¹⁵ См.: Brinton C. English political thought in the nineteenth century. L., 1993. P. 277–279.

¹⁶ История политических и правовых учений. Ч. 3. М., 2012. С. 169 (автор раздела о Победоносцеве — Н.М. Азаркин).

Буржуазный консерватизм с конца XIX в., когда он начал формироваться, и до наших дней в отличие от своих предшественников, не отрицает свободу, равенство и демократию, больше того, считает их важнейшими принципами современного общества. Однако им придается своеобразное содержание. Прежде всего консерваторы исходят из формального, сугубо юридического, а отнюдь не фактического понимания названных принципов. Речь идет об отсутствии правовых ограничений свободы и равенства, а не о реальном пользовании этими благами. То же и с демократией. В консервативной интерпретации она предполагает не власть народа, или большинства, а формальное соблюдение демократических процедур, кстати говоря, явление само по себе очень важное.

В плане свободы у консерваторов первостепенное значение приобретают свобода собственности, гарантии от государственного вмешательства. Что же касается равенства, то здесь в большей степени сохраняется преемственность со старым консерватизмом, потому что признанию формального равенства сопутствует утверждение неизбежности, естественности и благотворности фактического неравенства людей. “Свобода необходимо ведет к неравенству, — писал Б.Н. Чичерин. — Отсюда ясно, что уничтожить неравенство можно, только подавив самую свободу, из которой оно истекает, искоренив в человеке самостоятельный центр жизни и деятельности и превратив его в орудие общественной власти, которая, налагая на всех общую мерку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства”¹⁷. В XX в. те же мысли, почти слово в слово, высказывал Ф. Хайек в “Дороге к рабству”.

Основания неравенства у сторонников консерватизма менялись исторически: происхождение (сословность), имущественное положение, личные качества. Ставшее модным в постсоветской России понятие и явление элиты — одно из обликов неравенства. У нас появились элитные районы, клубы, рестораны, вузы, спектакли и т.п. Е. Евтушенко метко сказал, что стремление попасть в элиту — верный признак плебейства, что достойный человек не станет претендовать на принадлежность к элите.

Второй родовой признак консерватизма — отказ от социальной справедливости в качестве цели политики. Справедливость объявляется заведомо нереальной, неосуществимой, противоречащей религиозным представлениям о порочной

природе бренного мира. Николай I в Манифесте от 1 марта 1848 г. (отклик на революцию в Европе) осуждал “незрелые и развращенные умы, неспособные воспринять евангельскую истину о несовершенстве всякого земного правления”. Ему вторил К.Н. Леонтьев: “Но с точки зрения умственной непозволительно мечтать о всеобщей правде на земле... я не верю, чтобы жизнь могла бы когда бы то ни было стать храмом полного мира и абсолютной правды. Такая надежда, такая вера в человечество противоречит евангельскому учению, Евангелие и Апостолы говорят, что чем дальше, тем будет хуже, и советуют только хранить свою личную веру и личную добродетель до конца. Все человечество мы от бед не избавим”¹⁸. То же у И.А. Ильина эмигрантского периода («все народы творили и будут творить свою духовную культуру при отсутствии полной справедливости, т.е. в исторически данном нагромождении справедливости, полусправедливости и несправедливости. Мы не должны скрывать этого от своего народа. Жизнь на земле невозможна без терпения, смирения и отречения»¹⁹) или П.Б. Струве при переходе его на консервативные позиции (“с религиозной точки зрения проблема внешнего устройства жизни есть нечто второстепенное”²⁰).

Итак, вместо стремления к справедливости рекомендуются смирение и отречение. Очень характерно для консерваторов обвинение борцов за справедливость в корыстных интересах. По мнению С.А. Котляревского, представители народнической идеологии “не хотели видеть, что за чувство справедливости здесь сплошь и рядом принимается простое чувство зависти”²¹.

Отношение консерваторов к справедливости нашло яркое воплощение у Ф. Хайека. Он утверждает, что попытки использовать выражение “социальная справедливость” являются либо непониманием, либо шарлатанством, что “этот термин интеллектуально постыден, что это знак демагогии или дешевой журналистики”, что “евангелие социальной справедливости ведет к пробуждению низменных чувств — зависти и злобы по отношению к большему богатству”²².

Третий признак консерватизма — национализм. Его не следует путать с патриотизмом, чувствами

¹⁸ Леонтьев К. Указ. соч.

¹⁹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992. С. 187.

²⁰ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 160.

²¹ Там же. С. 392.

²² Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 167, 265, 266.

¹⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 256.

национальной гордости, защитой национальных интересов.

Национализм начинается там, где нация превращается в фетишизированный объект лояльности. Внутринациональные социальные противоречия игнорируются. Проблема установления социальной справедливости снимается. Нация, народ рассматриваются как общность, основанная на взаимопонимании и согласии. Они выступают всегда как единое целое. Для национализма характерно сознание принадлежности к избранной нации, что ведет к ксенофобии и пренебрежению правами и интересами других народов. Консерватизм и национализм — близнецы-братья.

Четвертый признак — клерикализм, или, точнее, политическая эксплуатация религиозных чувств, движений и организаций. Религия носит государственный характер или в смягченном современном варианте рассматривается как опора государственной власти, хранитель традиционных национальных ценностей, носитель и поставщик государственной идеологии. Русская Православная Церковь ныне все более активно претендует на эту роль, которую она, безусловно, играла в до-революционной России.

И наконец, **пятый родовой признак консерватизма — отрицание революции как нелегитимного, гибельного явления, ведущего только к бедствиям, провалу, к выпадению из мировой истории.** Эта позиция получила четкое выражение у А.И. Солженицына и широко пропагандируется в постсоветской России. Она прозвучала и на одном из первых мероприятий, посвященных 100-летию революции, — научной конференции “Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917” в феврале 2017 г. в Храме Христа-Спасителя в Москве. Оценки выступивших на конференции митрополита Волоколамского Илариона и министра культуры РФ В. Мединского принципиально совпадали. Вполне в духе А.И. Солженицына они представили царскую Россию как процветающее государство, тысячелетие развивавшееся на основе христианских ценностей. Она могла бы и впредь развиваться эволюционно, если бы революционная оппозиция не раскачивала лодку и не снесла государство в тот момент, когда было необходимо его укрепление как единственного и признанного народом аппарата реформ и модернизации²³.

В то же время создается впечатление, что в юбилейный год отечественные консерваторы не рассматривают разоблачение революции как первоочередную идеологическую задачу. Поставлена

цель не превращать знаменательную дату в повод для обострения идейно-политических разногласий. Получает распространение понятие “великая русская революция”. Публицист А. Ципко пишет, что “на величии Октября настаивают многие члены команды Путина”. Сам А. Ципко полагает, что “наша революция 1917 года — великая прежде всего по величию своего неповторимого ужаса, неповторимых человеческих жертв”²⁴. Однако это всего лишь стилистический эффект. Исторические события, связанные с деятельностью людей, в отличие от явлений природы, не называют великими, исходя из масштабов причиненных ими бедствий. В Германии никто не назовет войну 1941–1945 гг. великой, хотя она причинила достаточно страданий.

Величие революции, если относиться к нему серьезно, предполагает признание ее положительного содержания и значения, ее закономерности, во-первых, как одного из двух возможных путей развития наряду с эволюцией — пути трудного, катастрофического, но при известных обстоятельствах неизбежного; во-вторых, в том смысле, что революция была предопределена условиями места и времени. Подлинная причина революции не в раскачивании лодки отщепенцами, а в глубочайшем кризисе самодержавия. Разложение старого режима предопределило не только сам факт социального взрыва, но и характер русской революции, быстрый переход от Февраля к Октябрю. Намеренное торможение политического развития, “подмораживание России” привели к тому, что в стране, не завершившей буржуазных преобразований, созрели антибуржуазные силы.

Признание величия русской революции, как и французской, не означает ее апологии. Оно вполне сочетается с пониманием ее трагизма, огромности жертв, жестокости, эксплуатации народа, просчетов, провалов, злоупотреблений и преступлений. Все это привело советскую власть к искажению идеалов, лицемерию, вырождению и концу, не менее бесславному, чем конец царизма. Но поражения революции, как и ее победы, были в значительной мере исторически обусловлены.

Не нужно быть сторонником революции, чтобы признать этот факт. Н.А. Бердяев осуждал Октябрь с политической и этической точек зрения и в то же время оправдывал его философско-исторически. Его своеобразная защита Октября сводится к трем положениям. Революция — явление providentialное. Коммунизм был судьбой России. Всякая

²³ НГ-Религии. 2017. 3 марта.

²⁴ Независимая газ. 2017. 23 мая.

революция терпит поражение относительно осуществления провозглашенных целей.

Если революция — плод заговора злокозненной группы отщепенцев, ее нужно “проклясть и забыть” (по названию последнего романа В. Астафьева), вычеркнуть три четверти века из истории страны, упразднить ее результаты и вернуться к порядкам якобы преуспевавшей, благополучной дореволюционной России.

Признание революции закономерной диктует необходимость считаться с ее результатами. По законам диалектики, а может быть, и конвергенции вслед за антитезисом, каковым явился Октябрь по отношению к царизму и Февралю, должен был бы наступить синтез, а не новое полное отрицание. Синтез предполагает трезвый анализ общества, породившего революцию, в контексте современных представлений о теории и практике капитализма и социализма в разных формах и странах, результатов революции, причин их несоответствия идеалам коммунизма. Такой анализ может привести к созданию программы, ориентированной не на прошлое, а на будущее. Если в юбилейный год работа в этом направлении оживится, он пройдет не напрасно.

Но если конечные цели революции остались неосуществленными, она все же привела ко многим практическим достижениям, ставшим неотъемлемой частью национальной жизни. Эти результаты революции по меньшей мере обладают нормативностью фактического. Они представляли собой право поколений, в том числе в революции не участвовавших. Наши консерваторы любят говорить о незаконности национализации в ходе революции. Для сегодняшней России гораздо актуальнее незаконность денационализации, проведенной после падения советской власти и лишившей население страны многих благ, которые оно создавало своим трудом и рассматривало как свое законное достояние.

Вряд ли из признания русской революции великой некоторыми представителями властных и провластных структур будут извлечены все логические выводы, в каком случае это означало бы пересмотр сложившейся консервативной позиции. Скорее всего речь идет о тактическом шаге. Партийная идеология — многозначное явление. Ее творцы и носители не всегда стремятся к четкому выражению своих целей и мотивов. Чаще всего идеология воспринимается в утилитарном, прикладном смысле и сводится к политической технологии, к пропаганде и агитации. Такая идеология заведомо допускает аморфность, неясность, недомолвки и сознательное умолчание.

Пройдет юбилейный год, о величии революции можно будет забыть и вернуться к типичному для консерватизма бескомпромиссному отрицанию, которое активно распространялось в последние годы и вызовет полную поддержку А. Сипко и его немалочисленных единомышленников.

* * *

Перечисленные родовые признаки консерватизма характеризуют его как движение и идейно-политическую платформу правых сил, выражающих интересы привилегированного меньшинства. Именно таким был консерватизм на протяжении тысячелетий. Выше приводились обвинения в зависти и корысти, выдвигавшиеся консерваторами против революционеров. Убедительный ответ на них дал очень далекий от революции английский либерал, не лишенный и некоторых консервативных симпатий, И. Берлин: “Пессимизм или цинизм мыслителей, подобных Платону, а также де Местру, Свифту или Карлейлю, которые смотрели на большинство человечества как на неисправимо глупую или неизлечимо порочную массу и, следовательно, были обеспокоены тем, как сделать мир безопасным для исключительного, просвещенного или в других отношениях высшего меньшинства”²⁵.

Сущность дореволюционного российского консерватизма кратко и емко определил К.Н. Леонтьев. От многих представителей этого строя мыслей его отличали лишь искренность, полная откровенность, результат безграничной уверенности в своей правоте, отсутствия маскировки и лакировки.

К.Н. Леонтьев говорил о “научной необходимости новых оттенков теократии, сословности, монархизма, аристократизма и порабощения”²⁶. У К.Н. Леонтьева немало единомышленников в современной России, и не только среди приверженцев так называемой православной теории права. Как тут не вспомнить замечание Н.С. Лескова о “так называемом консерватизме, чаще всего схожащемся у нас с полной косностью”²⁷.

Таковы соображения автора, побуждающие усомниться в правильности выбора консерватизма в качестве российской идеологии XXI в. Не назрела ли необходимость в поиске иных традиционных ценностей в богатейшем наследии отечественной общественной мысли?

²⁵ Berlin. Four Essays on liberty. 1969. P. 25.

²⁶ Леонтьев К. Указ. соч. С. 250.

²⁷ Лесков Н.С. Собр. соч. В 11-ти т. Т. 6. М., 1957. С. 576.